

Хусаинова Айсылу Хамзеевна

**МЕТАФИЗИКА СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИСКУССТВЕ СЛОВА
"СОРОКОВЫХ РОКОВЫХ"**

Статья посвящена метафизике событий Великой Отечественной войны в искусстве слова 1941-1945 годов. Искусство слова - это увековеченное письмо, поэтому уникальные тексты писателей-фронтовиков, отстаивших свободу и независимость нашей страны в борьбе против европейского фашизма и немецкого нацизма, являются тонким фактическим материалом в историко-философском и экзистенциально-онтологическом осмыслении событий войны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/58.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 208-212. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 7.01

Искусствоведение

Статья посвящена метафизике событий Великой Отечественной войны в искусстве слова 1941-1945 годов. Искусство слова – это увековеченное письмо, поэтому уникальные тексты писателей-фронтовиков, отстаивавших свободу и независимость нашей страны в борьбе против европейского фашизма и немецкого нацизма, являются тонким фактическим материалом в историко-философском и экзистенциально-онтологическом осмыслении событий войны.

Ключевые слова и фразы: философия; метафизика; события войны; история; искусство слова; творчество; писатель-фронтовик; великая победа.

Хусаинова Айсылу Хамзеевна, к. филос. н., доцент

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы

A_hah@mail.ru, haiet_bspu@mail.ru

**МЕТАФИЗИКА СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ИСКУССТВЕ СЛОВА «СОРОКОВЫХ РОКОВЫХ»[©]**

«Война – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других свободными» [10, с. 7].

Гераклит

«Война – жесточе нету слова. // Война – печальней нету слова, // Война – святее нету слова // В тоске и славе этих лет. // И на устах у нас иного, // Еще не может быть и нет» [14, с. 5].

А. Твардовский

«В госпитале впервые за всю войну меня вдруг снова потянуло к стихам. Впрочем, “потянуло” – не то слово. Просто кто-то невидимый диктовал мне строки, я их только записывала. Этот невидимый назывался Войной...» [8, с. 316].

Ю. Друнина

«Знаний о войне у вас хватает. Но вот атмосферы времени – это та тонкость, которую невозможно постичь логически. Это постигается кожей. Кровью. Жизнью... Чтобы что-то знать по-настоящему, надобно влезть в это “что-то” по уши. Как в науке. Или в искусстве. Или когда это “что-то” станет судьбой» [3, с. 316].

В. Быков

«Эпоха закончилась, и надо ее описать» [18, с. 87], – отметил поэт-фронтовик Б. Слуцкий. 2014 год – это 100-летие начала Первой мировой войны, а в 2015 году весь мир отмечает 70-летие Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны, неоднозначная оценка итогов которых приобретает особую актуальность в свете последних событий в Восточной Европе, где новоиспеченные идеологии фашизма в той или иной мере пытаются реанимировать нацизм и человеконенавистничество на территории бывшей советской республики, пережившей немецкую оккупацию в 1941-1945 гг.

В контексте этих событий злободневным становится «возврат к истокам» – к «трагическим испытаниям, начавшимся 22 июня 1941 года, к тотальной войне на уничтожение, на истребление, которая поставила вопрос о нашем историческом выживании» [21, с. 8]. Воистину события войны 1941-1945 гг. стали «пограничем» (К. Ясперс) между жизнью и смертью, ибо только «два обстоятельства спасли нашу страну: первое – военная промышленность дала меч; второе, – главное, в час выбора между жизнью и спасением Родины наш солдат бестрепетно пожертвовал жизнью» [Там же, с. 9].

Для многих из поколения «сороковых роковых» война стала последним «обиталищем» в прямом и переносном смысле этого слова, поэтому драматические, порой трагические события требуют особого «вчувствования» (В. Дильтей) [7, с. 29], «вживания» (М. Хайдеггер) [22, с. 167], «вчитывания» (В. Быков) [3, с. 316] в эту эпоху с помощью искусства слова, ибо искусство – это «толмач неизречимого» (И. Гете) [5, с. 13]. Следовательно, художественные тексты писателей-фронтовиков, кто «шкурой», «кровью», «жизнью» добывал победу, являются основным тонким фактическим материалом в историко-философском, логико-понятийном, экзистенциально-онтологическом осмыслении событий войны, – как ни парадоксально, неизменного спутника человечества в его социальном бытии. Социальное бытие периода «священной войны» (В. Лебедев-Кумач) [14, с. 339], факты событий 1941-1945 гг. отразились в документах и текстах – это статьи, очерки, заметки, а также стихи, поэмы, рассказы, повести, романы, пьесы и т.п. писателей-фронтовиков, ибо пророческое: «те, кто будет писать об этой войне, сейчас не пишут, они воюют» [9, с. 121], – отчасти сбылось. Очевидно, у художественного текста, «у литературы свое собственное время, – оно не то,... что передвигает стрелки на часах истории. Прошлое, настоящее, будущее в литературе... текут общим единым потоком..., увековеченное в письме... Слово – сила. Слово господствует над временем и пространством...» [16, с. 172-173].

Известно, что в своей обращенности к миру в целом художественное слово предстает как особое явление, наиболее открытое как объективному, так и субъективному. Этот открывающийся «простор» Гегель назвал

неограниченным: становящийся, исследующий и соприродный миру, он охватывает все: столкновение миров, сторон, позиций и т.п., ибо «поэзия философичнее и серьезнее истории: поэзия говорит более об общем, история – о единичном. Общее состоит в том, что человеку такого-то характера следует говорить или делать, по вероятности или по необходимости, к чему и стремится поэзия» [1, с. 235], которая во все времена глубоко затрагивает и раскрывает экзистенциально-онтологические проблемы добра и зла, жизни и смерти, войны и мира.

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием поколения сороковых и серьезнейшей проверкой для искусства слова, которая воистину проявила «скрытую теплоту патриотизма» (Л. Толстой) [11, с. 190] и была действенным оружием в борьбе с германским фашизмом. Произведения, созданные в суровые 1941-1945 гг., показывали справедливый, освободительный характер войны, отражали масштабность событий, выдержку и стойкость воинов, способствовали мобилизации материальных и духовных сил в борьбе с нацизмом. В годы войны более тысячи писателей стали в ряды защитников отчизны, оказались на фронтах, из них более двухсот не вернулись с полей сражений. Одним из первых был А. Гайдар, попавший в засаду летом 1941 г. и расстрелянный в упор немецкими захватчиками.

Писатели-прозаики основную задачу видели в том, чтобы запечатлеть по горячим следам происходящие события войны. При этом они не придерживались жанровых рамок и писали очерки-рассказы и рассказы-очерки, ибо с самого начала войны обращение к публицистике и очерку давало возможность наиболее оперативно отразить происходящее. Публицистика была наполнена философскими раздумьями, этическими поисками, историческими параллелями, стремлением сопоставить события войны с известными этапами борьбы народов нашей страны с иноземными захватчиками.

В 1941-1945 гг. крупные художники слова – Л. Леонов, А. Толстой, М. Шолохов – стали и известными публицистами. Важный вклад в публицистику тех лет внесли Вс. Вишневский, Н. Тихонов, А. Фадеев. Многие писатели выступали как очеркисты: Б. Горбатов, А. Караваева, К. Симонов, В. Ставский, Н. Тихонов, А. Фадеев, М. Шагинян, М. Шолохов и др. Очерки М. Шолохова не только описывали военные события, но явились своеобразной подготовкой к созданию произведений прозы («Судьба человека», «Они сражались за Родину»). Публицистика А. Фадеева военных лет была насыщена документальным материалом: например, очерк «Бессмертие» (1943), который отразил борьбу молодежи Краснодона с фашистскими полчищами, стал первым шагом к созданию романа «Молодая гвардия», неоднозначно оцениваемым на исходе прошедшего столетия.

Как известно, искусство публицистики 1941-1945 гг. прошло несколько основных этапов. В 1941 г., в первые месяцы войны, ей была присуща обнаженно-реалистическая манера, зачастую отвлеченно-схематические способы изображения войны и вражеских сил. Но в начале 1942 г. публицистика обогащается элементами психологического анализа, где присутствует обращение к проблеме бытия и существования человека, и неслучайно в структуру публицистики все органичнее проникает художественный образ. Следующий этап совпал с переломом в ходе войны (1943-1944), с необходимостью углубленного социально-политического рассмотрения событий на фронте и в тылу, выяснения причин поражения и удач враждующих сторон. Этими обстоятельствами вызвано обращение к таким жанрам как памфлет и обозрение. На завершающем этапе войны (1944-1945 гг.) проявилось тяготение к документальности. Так, например, в «Окнах ТАСС» наряду с графическим исполнением плакатов широко используется метод фотомонтажа; писатели и поэты вводят в свои произведения дневниковые записи, письма, фотографии [15, с. 265]. Публицистика военных лет стала качественно иной, по сравнению с предшествующими периодами развития этого жанра. Особую силу придали их выступлениям обращение к истории, к национальным истокам патриотизма [4, с. 143]. Важная особенность публицистики той поры, повышающая ее боевитость, – это использование листовки, плаката, карикатуры.

В военные годы проза пережила значительную эволюцию, т.к. первоначально война описывалась и освещалась в очерковом, нередко информативно-описательном или схематично-беллетризованном, батальном варианте, о чем свидетельствуют многочисленные рассказы и повести. В дальнейшем жизнь и смерть, победы и поражения, успехи и утраты и т.д. на фронтах постигались писателями в сложной диалектике повседневного тяжелого быта и вездесущего бытия. В 1941-1942 гг., в первые два года войны, было опубликовано свыше двухсот повестей; из всех прозаических жанров только очерк и рассказ могли поспорить в популярности с повестью. Повесть – особый эпический жанр, в ней раскрывается суровая и горькая правда первых месяцев войны, например, «Русская повесть» (1942) П. Павленко и «Народ бессмертен» (1942) В. Гроссмана. Однако между этими произведениями есть различия в способах воплощения темы: в первой повести событийно-фабульное начало доминирует над раскрытием психологии воина, а во второй – образы рядовых солдат (Игнатьев) и офицеров (Богарев, Мерцалов) воссозданы несравненно психологически полнее и глубже.

В военной прозе 1942-1943 гг. характерной приметой стало появление новелл, циклов рассказов, связанных единством действующих лиц, образом повествователя или лирической сквозной темой. Драматизм в этих произведениях оттеняется лирической и одновременно возвышенно-поэтической, романтической чертой, помогающей выявить душевное состояние героя, проникающей во внутренний мир человека, в строй его мыслей и чувств; более убедительно раскрываются экзистенциально-онтологические и социально-этические истоки свободы выбора совершенного им поступка. Это «Рассказы Ивана Сударева» (1942) А. Толстого, «Март-апрель» (1942) В. Кожевникова, «Морская душа» (1942) Л. Соболева. В цикле рассказов «Морская душа» Л. Соболев создает серию портретных зарисовок героев-моряков; каждый из них – олицетворение мужества и стойкости. Неслучайно один из героев новеллы «Батальон четверых» после тяжелого боя обращается к сражающимся: «Один моряк – моряк, два моряка – взвод, три моряка – рота... Батальон, слушай мою команду...» [19, с. 43].

В период войны, по сравнению с очерками, для жанра рассказа и повести было характерно стремление более широко и глубоко охватить события на фронтах. В эти годы рассказы создавали такие известные мастера художественного слова как: Б. Горбатов («Рассказы о солдатской душе»), Н. Тихонов («Ленинградские

рассказы»), А. Толстой («Русский характер»), М. Шолохов («Наука ненависти») и др. Особое место в военное время заняли произведения таких признанных классиков как К. Паустовский и А. Платонов.

Повести военных лет продолжали эпические традиции классической литературы – М. Лермонтова, Н. Гоголя, Л. Толстого и др. В них (Б. Горбатов «Непокоренные» (1943), А. Бек «Волоколамское шоссе» (1944), К. Симонов «Дни и ночи» (1944), Л. Леонов «Взятие Великошумска» (1944) и др.) своеобразно «присутствует», отражается, воплощается истина истории, и правда прошлого органически сливается с происходящим; убедительно передаются атмосфера суровой, трагической эпохи, ее проблемы, особенности мышления и чувствования людей, столкнувшихся в беспощадной исторической битве с самым опасным врагом XX столетия – с германским фашизмом.

Повесть Б. Горбатов «Непокоренные» («Семья Тараса») (1943) создавалась, по признанию автора, на основании непосредственных фактов, взятых из жизни людей, выдержавших тяжелейшие испытания на оккупированной территории. На примере семьи Тараса Яценко автор показывает сопротивление в глубоком тылу оккупационных войск [6, с. 87].

А. Бек в «Волоколамском шоссе» (1944) отражает события битвы под Москвой, где главные герои повести – генерал Иван Васильевич Панфилов и старший лейтенант Баурджан Момыш-Улы – являются реальными историческими лицами [2, с. 15]. В сложной обстановке генерал Панфилов исходил из традиций и приемов истории военной школы и учил тому, что победа «куется» до боя. Этим руководствуется и Момыш-Улы – искусный и волевой командир, строгий военачальник, беззаветно отважный в бою.

Высокий уровень в военной прозе нашел свое продолжение в первом крупном произведении о Сталинградской битве – в повести К. Симонова «Дни и ночи» (1944). В центре повести действия батальона капитана Сабурова, днем и ночью стоявшего в обороне и удерживающего части армии Паулюса на подступах к Волге [17, т. 2, с. 195].

Метафизика войны, осмысленная в масштабе больших социально-нравственных и философских категорий, предстает со страниц повести Л. Леонова «Взятие Великошумска» (1944). Раздумья командира танкового корпуса генерала Литовченко являются своеобразной этической интродукцией повести: «Народы надо изучать не на фестивалях пляски, а в часы военных испытаний, когда история вглядывается в лицо нации, вымеряя ее пригодность для своих высоких целей...» [13, т. 7, с. 85]. В центре повести судьба экипажа танка Т-34 под № 203, которая сроднила под своей броней очень разных людей: тут и многоопытный командир танка лейтенант Соболев, и еще не обстрелянный механик-водитель Литовченко, и молчаливый радист Дыбок, и разговорчивый башнер Обрядин. Сразу после выхода в свет повесть воспринималась как художественное полотно, которое сродни малой эпосе, ибо в повести «есть какая-то торжественность, похожая на полноту реки; она монументальна...» [11, с. 192]. Эта повесть широкого философского звучания, ибо в январе-июне 1944 года солдатские раздумья о войне отнюдь не казались чрезмерно пафосными: «Судьбу прогресса мы, как птенца, держим в наших огрубелых ладонях» [13, т. 7, с. 73]. Поэтому генерал Литовченко распоряжается поставить на высокий постамент героический танк под № 203: «Пусть века смотрят, кто их от кнута и рабства оборонил...» [Там же, с. 94].

В 1944-1945 гг., к исходу войны, ощутимо тяготение прозы к широкому эпическому осмыслению ее событий, о чем свидетельствуют отдельные главы романа М. Шолохова «Они сражались за Родину» (1943-1944). Писатель предпринимает попытку изображения войны как народной эпопеи. Сам выбор главных героев, рядовых пехоты – хлебороба Звягинцева, шахтера Лопехина, агронома Стрельцова – свидетельствует о том, что писатель стремился показать экзистенцию различных слоев общества в годину суровых испытаний и их поведение в «пограничной ситуации» (К. Ясперс) [24, с. 232] войны. Повести, написанные во время войны, в некотором смысле стали продолжением больших эпических произведений о событиях 1941-1945 годов (А. Бек «Резерв генерала Панфилова», К. Симонов «Живые и мертвые» и др.) и были своеобразной предтечей «лейтенантской» прозы в послевоенное время.

Песни периода Великой Отечественной войны в жанровом отношении весьма разнообразны. Тема священной борьбы против фашистских захватчиков становится основой для песен-гимнов, написанных в торжественно-приподнятом тоне и призванных создать обобщенно-символический образ сражающегося народа за свою Родину. Особой популярностью пользовались лирические песни на слова М. Исаковского, К. Симонова, А. Суркова, Ф. Фатянова и других поэтов. Это песни, посвященные дружбе, любви, верности, разлуке, встрече – всему тому, что волновало и согревало солдата вдали от родного дома («Землянка» А. Суркова, «Огонек» М. Исаковского, «Темная ночь» В. Агатова, «Вечер на рейде» А. Чуркина); стихи, рассказывающие о военных буднях, положенные на мелодии («Дороги» Л. Ошанина (муз. А. Новикова), «Вот солдаты идут» М. Львовского (муз. К. Молчанова), «Соловьи» А. Фатянова (муз. В. Соловьева-Седого), «Как за Камой, за рекой» В. Гусева (муз. В. Соловьева-Седого) и др.). Мотивы воспоминаний о военной поре, о пройденных дорогах, о тревоге за судьбы мира зазвучали в стихах, ставших известными песнями («Летят перелетные птицы» М. Исаковского, «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» А. Фатянова, «Если бы парни всей земли...» Л. Ошанина). В годы войны самые значительные эстетические высоты были завоеваны массовой песней. Вершиной симфонического искусства считается Седьмая симфония Д. Шостаковича, написанная в 1942 году в блокадном Ленинграде.

Социально-нравственные и гуманистические идеалы сражающегося народа находят свое отражение и в крупном эпическом жанре, таком как поэма. Высокие образцы поэтического эпоса были созданы в тяжелые годы исторического лихолетья (А. Твардовский «Василий Теркин» (1941-1945), Н. Тихонов «Киров с нами» (1941), М. Алигер «Зоя» (1942), О. Берггольц «Февральский дневник» (1942), П. Антокольский «Сын» (1943), В. Инбер «Пулковский меридиан» (1943), А. Прокофьев «Россия» (1944) и др.).

Поэма «Василий Теркин» (1941-1945) А. Твардовского – это крупнейшее, многоплановое поэтическое произведение, объемлющее не только все стороны фронтовой жизни, но и основные этапы войны. Образ главного героя Василия Теркина и образ Родины равновелики в философской и художественной концепции поэмы, ибо от свободы выбора каждого бойца на поле брани зависела судьба Отчизны [20].

В поэме «Зоя» (1942) М. Алигер московская школьница Зоя Космодемьянская добровольно выбирает суровую долю войны. Ее трагическая судьба и участь разведчицы-партизанки потрясли своей невиданной жесткостью и превратили ее образ в символ святого героя-мученика: «И уже почти что над снегами, // легким телом устремясь вперед, // девочка последними шагами // босиком в бессмертие идет» [11, с. 193]. Имя и образ Зои Космодемьянской, зверски замученной немецкими оккупантами и стойко принявшей смерть, отождествляется с обликом античной богини победы – крылатой Никой, особо почитаемой в страшные зимние дни 1941-1942 гг.

За годы войны было создано свыше трехсот пьес, среди них перешагнули временной рубеж лишь немногие: это «Фронт» (1942) А. Корнейчука, «Нашествие» (1942) Л. Леонова, «Русские люди» (1942) К. Симонова, «Песнь о черноморцах» (1943) Б. Лавренова, «Офицер флота» (1944) А. Крона, «Сталинградцы» (1944) Ю. Чепурина и др.

Пьесы, появившиеся в начале событий 1941 года и созданные на волне довоенных настроений, оказались далекими от трагической обстановки первых месяцев тяжелых боев. Переломным моментом в драматургии стал тяжелый 1942 год, ибо потребовалось время, чтобы художники слова смогли осознать свершившееся и по-новому осветить события на фронтах, в тылу врага, на оккупированной территории и т.д. Драма Л. Леонова «Нашествие» (1942) – это трагедия страны и народа, оказавшегося в непредсказуемой, почти безвыходной ситуации в начале войны. Значительность авторского замысла в том, что конфликты местного плана осмысляются им в широком социально-философском ключе, вскрываются истоки, питающие силу сопротивления каждого в «пограничной ситуации» «или-или» [12, с. 161] на оккупированной нацистами территории, когда: «Люди жизни не щадят, с врагом бьются» [13, т. 8, с. 125].

События в пьесе «Русские люди» (1942) К. Симонова разворачиваются осенью 1941 года на Южном фронте, в отряде Сафонова, находящегося недалеко от города, где хозяйничают немецкие оккупанты. Несмотря на тяжелейшую пору, на суровый 1942 год, драматург не боится описывать реальную обстановку событий войны во всем ее грозном обличье – это жесточайшие испытания и смерть защитников Отечества: «Ты слышал или нет, как русские люди на смерть уходят?» [17, т. 6, с. 241]. Пьеса раскрывает реальную ситуацию непредсказуемости, жертвенности и утрат в 1941-1942 гг. Реальность войны и в том, что К. Симонов показал врага не как примитивного изувера и садиста, а как изощренного, уверенного в своей безнаказанности «покорителя» Европы.

Накануне 70-летия Великой Победы и окончания Второй мировой войны новоиспеченные «покорители» Европы пытаются реанимировать идеологию фашизма и завоевать мир, забывая пророческое изречение: «Все, взявшие меч, мечом погибнут» (Евангелие от Матфея. Гл. 26). Последние события на территории Восточной Европы все более актуализируют проблему войны и мира, от которой зависит будущее планеты Земля. Земля, по мысли К. Э. Циолковского, – колыбель человечества, но нельзя же, подобно младенцу, вечно «качаться», ибо только устойчивость и стабильность, мир и порядок, благополучие и терпимость – спутники будущего человечества [22, с. 112]. Поэтому чем дальше вглубь отходит эпоха войны, тем более осмысленными и значительными становятся социально-политические, экзистенциально-онтологические, морально-этические, художественно-эстетические достижения и итоги этой эпохи. Несомненной заслугой искусства слова эпохи Великой Отечественной войны являются попытка глубокого проникновения в исторический ракурс, расширение его временных и пространственных горизонтов, желание всестороннего раскрытия экзистенции человека, его свободы и выбора на поле брани – в окопах, блиндажах, землянках и т.д. – и проявленные мужество и стойкость писателей-фронтовиков в действующей армии на линиях передовой, где шел «смертный бой не ради славы, ради жизни на земле» (А. Твардовский) [20, с. 243].

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М., 1984. Т. 4. 665 с.
2. Бек А. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Художественная литература; Русский советский ПЕН-центр, 1991. Т. 2. 576 с.
3. Быков В. Карьер. Повести. М.: Эксмо, 2004. 360 с.
4. В редакцию не вернулся. М.: Политиздат, 1964. 448 с.
5. Гете И. В. Сочинения: в 10-ти т. М., 1979. Т. 10. 542 с.
6. Горбатов Б. Собрание сочинений: в 8-ми т. М., 1957. Т. 2. 435 с.
7. Дильтей В. Введение в науки о духе // Дильтей В. Собрание сочинений: в 6-ти т. М., 2000. Т. 1. 451 с.
8. Друнина Ю. Избранное: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. 654 с.
9. Живая память поколений: сборник. М.: Художественная литература, 1965. 343 с.
10. Искусство войны: антология. СПб.: Амфора, 2004. 542 с.
11. История русской советской литературы / под ред. Л. Ф. Ершова. М.: Высшая школа, 1982. 343 с.
12. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. М.: Республика, 1993. 383 с.
13. Леонов Л. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Рослитиздат, 1960-1962. Т. 7. 395 с.; Т. 8. 409 с.
14. Лирика 40-х годов. Фрунзе: Кыргызстан, 1977. 747 с.
15. Ортенберг Д. И. Это останется навсегда. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
16. Парандовский Я. Алхимия слова. М., 1972. 373 с.
17. Симонов К. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Художественная литература, 1961-1970. Т. 2. 465 с.; Т. 6. 497 с.
18. Слуцкий Б. Стихи разных лет. Из неизданного. М.: Советский писатель, 1988. 272 с.
19. Соболев Л. Морская душа. М.: Советский писатель, 1941. 464 с.
20. Твардовский А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 2. 428 с.

21. Уткин А. И. Вторая мировая война. М.: Эксмо, 2003. 960 с.
22. Хайдеггер М. Исток художественного творчества / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2008. 528 с.
23. Хусанова А. Х. Экзистенция свободы выбора (философский анализ). Уфа: Гилем, 2010. 228 с.
24. Ясперс К. Введение в философию // Путь в философию: антология. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 224-235.

METAPHYSICS OF EVENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN ART OF THE WORD OF "THE FATEFUL FORTIETH"

Khusainova Aisylu Khamzeevna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
A_hah@mail.ru, haiet_bspu@mail.ru

The article is devoted to the metaphysics of the events of the Great Patriotic War in art of the word in 1941-1945. Art of the word is an immortalized letter; therefore the unique texts of writers-soldiers, who defended freedom and independence of our country in the fight against the European fascism and the German Nazism, are subtle factual material in the historical, philosophical and existential-ontological understanding of the war events.

Key words and phrases: philosophy; metaphysics; events of the war; history; art of the word; creativity; writer-soldier; great victory.

УДК 1(54)

Философские науки

В статье рассматривается изменение содержания общенаучного понятия «состояние» при переходе от одной химической теории к другой. Автор исходит из предположения, что гносеологическая роль понятия состояния заключается в том, что оно является исходным элементом воспроизведения в мышлении процессов изменения тех или иных объектов. Показано, что трансформация понятия состояния в химических теориях есть выражение общенаучной тенденции к объединению в научном мышлении «вещного» и «процессуального».

Ключевые слова и фразы: состояние; связь состояний; функция состояний; химические теории; химический процесс; активированный комплекс; переходное состояние.

Черемных Наталья Матвеевна, д. филос. н., профессор
Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева
cheremnykh@muctr.ru

ПОНЯТИЕ «СОСТОЯНИЕ» В ХИМИИ[©]

Особенностью современного химического знания является все более широкое использование в химическом мышлении общенаучных понятий, вследствие чего понятийный аппарат химии постепенно приобретает статус органической составной части понятийной структуры всего современного естествознания. Реконструкция исторической траектории развития химии выявила определенную тенденцию, заключающуюся в изменении содержания общенаучных понятий при переходе от одной химической теории к другой. Можно рассмотреть эту особенность на примере понятия состояния.

Любая наука изучает, прежде всего, определенные состояния, и общенаучный статус понятия состояния никем не оспаривается. Появившись еще в античном мышлении, понятие «состояние» долгое время имело антропоморфный оттенок, т.е. рассматривалось по аналогии с некоторым ощущением человеком своего самочувствия. Но подлинный понятийный статус оно обрело в картине мира Нового времени, где стало означать тождественный себе физический объект. По мере развития количественных методов в естествознании понятие состояния стало рассматриваться как набор изолированных друг от друга параметров – характеристик объекта.

Именно такое понимание состояния преобладает в период формирования первых химических теорий – теорий состава и строения. И состав вещества, и структура химических соединений рассматриваются как определенные состояния. Различие заключается лишь в наборе конкретных характеристик, с которым отождествляется данное состояние. В свою очередь, набор характеристик обусловлен спецификой исследовательской задачи. Таким образом, этому периоду развития химического познания соответствует понятие состояния, отражающее качественную и количественную определенность бытия объекта, фиксирующее момент устойчивости в развитии объекта [8, с. 60]. Здесь состояние интерпретируется как *со-стояние*, что означает одновременность пребывания элементов системы в их единстве, благодаря чему объект обладает определенностью.

Однако рассмотренное диалектически понятие состояния обнаруживает в своем содержании не только моменты устойчивости и определенности. В состоянии любой вещи в данный момент времени всегда фиксируются некие изменения. Обращение к генезису понятия показывает, что изменение включалось в понятие «состояние» с самого начала его категориального пути. Поначалу понятие «состояние» было фактически равнозначно понятиям «качество» и «свойство», а поэтому позволяло лишь отличать бытие многообразных вещей от первоначал как совокупности всех существующих свойств, качеств и т.д. Но уже Аристотель называл состоянием вид качества, в отношении к которому возможны изменения и который легко поддается изменению [1, с. 171].